

Научная статья

УДК 101.1::316

doi: 10.17223/1998863X/83/8

«КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ» И «КОРПОРАТИВНАЯ ОТМЕНА» В ДИСКУРСЕ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Александр Викторович Овчинников¹,
Даниил Александрович Аникин²

^{1,2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия*

¹ *Казанский государственный энергетический университет, Казань, Россия*

² *Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия*

¹ *ovchinnikov8_831@mail.ru*

² *dandee@list.ru*

Аннотация. Ставится вопрос о необходимости выработки научного определения термина «культура отмены» и преодолении практик его использования в академическом дискурсе в качестве метафоры и «оборота речи». Предполагается, что базисом отмены является исключение индивида, социальной группы или сакрального существа из настоящих или минувших процессов социального обмена. Выявлены разные виды отмены и прослежена их взаимосвязь с социально-политической организацией общества и его символическими (прежде всего, этноисторическими) моделями. Сделан вывод о возможности использования предложенного методологического инструментария для компаративистских исследований отмены в разных сферах жизни общества, в том числе, например, в конструировании образов прошлого.

Ключевые слова: отмена, «культура отмены», «корпоративная отмена», этнонационализм, кризисы, солидарность, идентичность

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00465, <https://rscf.ru/project/23-18-00465/>

Для цитирования: Овчинников А.В., Аникин Д.А. «Культура отмены» и «корпоративная отмена» в дискурсе социальной философии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 83. С. 76–87. doi: 10.17223/1998863X/83/8

Original article

“CANCEL CULTURE” AND “CORPORATE CANCELLATION” IN THE DISCOURSE OF SOCIAL PHILOSOPHY

Alexander V. Ovchinnikov¹, Daniil A. Anikin²

^{1,2} *National research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *Kazan State Power Engineering University, Russian Federation*

² *Saratov State University, Saratov, Russian Federation*

¹ *ovchinnikov8_831@mail.ru*

² *dandee@list.ru*

Abstract. The question is raised about the need to develop a scientific definition of the term “cancel culture” and to overcome the practices of its use in academic discourse as a metaphor and “turn of speech”. It is assumed that the basis of cancellation is the exclusion of an individual, a social group or a sacred being from the present or past processes of social exchange. The abolition that has existed since ancient times in the conditions of post-industrial civil society, the rule of law, the development of mass media and means of communication has turned into a culture of abolition, not accidentally arising in the “West”. The political, economic, and socio-psychological features of modernizing societies have determined the specifics of corporate cancellation, the mechanism of which is fundamentally different from the implementation of cancel culture, which is characterized by the decisive role of not all parties interested in the abolition, but only one with monopoly powers to redistribute the resources of society, usually on behalf of some sacred being or “imaginary community” (the abolition itself is often justified by the interests of the latter, but even in the case of changes in the constructs of the past, it is closely related to modern socio-political relations). On the example of attempts to cancel the feature film *Mikulai* (2023), the article identifies different types of cancellation and traces their relationship with the socio-political organization of society and its symbolic (primarily ethnohistorical) models. Thus, the Mikulai case reflects the mechanisms of two types of cancellation, the peculiar intertwining of which is apparently due to the modernization of mutual influences in different spheres of society. Corporate cancellation was the leading one, since the very possibility of the film’s emergence was determined by the desire to convey to the mass audience the idea of the dangers associated with the threat to the historical unity of ethnonation, which, in turn, itself personifies the vertical of the corporate structure of society. The gradual cessation of the film’s distribution and mentions of it is outside the framework of cancel culture because the influence of outraged viewers on everything that was happening was minimal, and, given the earlier free screening of performances based on the play *Mikulai*, the regional media simply would not have paid attention to them. The presented material indicates the need for further work on the methodological support of the concept “cancel culture”, taking into account all the features of its use in academic discourse and higher education.

Keywords: cancellation, cancel culture, corporate cancellation, ethnonationalism, Kryashens, *Mikulai*

Acknowledgements: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-18-00465, <https://rscf.ru/project/23-18-00465/>

For citation: Ovchinnikov, A.V. & Anikin, D.A. (2025) “Cancel culture” and “corporate cancellation” in the discourse of social philosophy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 83. pp. 76–87. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/83/8

«Культура отмены» как социально-философская категория

С начала 1990-х гг. отечественная наука знала несколько заимствований новых для нее теоретических подходов и терминов (образ «другого», «гендерный подход», «история повседневности», «национализм» и т.д.). Иногда следование научной «моды» приводило к метафоризации и риторизации изначальных теоретических основ используемых понятий и компаративистским пассажам, на базе которых могли делаться выводы историсофского уровня.

В последнее время вниманием российских исследователей пользуется также пришедший извне концепт «культура отмены». Кажется, он становится не только публицистической, но и научной «модой», и с культурой отмены часто связывают кейсы, фиксируемые в разных уголках планеты в разные века и даже тысячелетия. Поэтому в литературе уже ставится правомерный вопрос о статусе понятия «отмена», перспективах превращения канселлинга из оборота речи и идеологической установки именно в научный термин [1, 2].

Таким образом, исходя из выявленной проблемы, в статье предпринята попытка выработки научных определений терминов «отмена», «культура отмены» и авторского «корпоративная отмена» в целях дальнейшего их осмысления с точки зрения социальной философии и рассмотрения в разных социально-политических условиях. На примере этнических медиа-репрезентаций в современном Татарстане появляется возможность раскрыть нелинейную картину взаимодействия различных форм канселлинга, отсылающих как к рудиментарным механизмам традиционного общества, так и к особенностям функционирования современного публичного пространства.

По нашему мнению, на базовом уровне феномен отмены связан с происходящими в обществе процессами социального обмена [3] (не случайно в русском языке слова «отмена», «обмен» и «мена» являются однокоренными). В условиях единства социальной мифологии и социальной реальности участники обмена сами оценивают его выгоды для себя, при этом обмен может протекать параллельно в духовной, социальной, экономической, лично-семейной и иных сферах. Признание положительных сторон обмена и удовлетворенность им (на эмоциональном или рациональном уровнях) порождают «космос» общественной жизни; уклонение же от обмена, акцентирование внимания на его неравноправности или невыгодности, невыполнение возложенных на себя или предписанных обязательств могут грозить возможным «хаосом». Исходя из сказанного, «отменой» можно считать исключение из социального обмена или отдельного (включая мифический) его сегмента человека, общность или воображаемое сакральное существо, не выполнивших (в том числе якобы в прошлом) своих обязательств в рамках принимаемого и признаваемого всеми механизма обмена.

Нетрудно понять, что потенциальная возможность отмены кроется в описанных антропологами и историками реципрокных отношениях [4, 5], круговой поруке, остракизме [6] и иных социальных феноменах, суть которых состоит в поддержании воображаемого («иррационального») или утилитарно-практического («рационального») баланса отношений (обмена) между людьми или людьми и «высшими силами» в минувшем и настоящем.

В принципе, подобное понимание «отмены» не противоречит исходному представлению о социальном остракизме, зафиксированному в условиях античной Греции, поскольку там тоже речь шла о временном «выключении» отдельного гражданина из системы полисного обмена, в котором его действия, считываемые как социально одобряемые, могли конвертироваться в набор социальных благ. В том же случае, если сообщество видело угрозу для сохранения собственной идентичности в действиях конкретного гражданина, то наиболее действенным механизмом становилось его временное исключение. Понятно, что на дискурсивном уровне подобный поступок мог расцениваться как следствие индивидуальной или коллективной вины перед богами (индивидуальной – в большинстве известных нам случаев из афинской практики, но иногда и коллективной, если вспомнить о Килоновой скверне), но на праксиологическом уровне он выступал результатом стремления к сохранению выстроенных социальных границ.

Ситуация определенным образом изменилась при переходе от традиционного общества к современному, когда, по словам Ф. Ницше, «Бог умер». Человек вступил в обменные отношения с новым сакральным существом –

нацией (народом, этносом и т.д.). Нынешнее положение дел стало восприниматься не как результат «божьего промысла», а следствием неких тесно связанных с социальным обменом процессов развития народа (отсюда появление национальных и этнонациональных историй). Одновременно в некоторых странах наряду с гражданским национализмом утвердилась рыночная экономика с обезличенным обменом и четко фиксированными правилами в сфере производства и потребления, что породило соответствующие отношения в социальной сфере (по выражению К. Поланьи, «великую трансформацию») [7]. Параллельно с экономическими законами нормы морали также стали одинаковыми для всех слоев уже неразделенного сословными перегородками общества. Данный факт, наряду с дальнейшим развитием массмедиа и активизацией борьбы разных социальных групп за свои права, стал исходным основанием культуры отмены.

При универсальном обмене и морали поводом для отмены (в том числе определенных аспектов прошлого) является публичное сообщение о некоем действии (расистском высказывании (см. подробнее: [8]), харассменте, отдельной сцене или сюжете фильма и т.д.), которое в массовом сознании и представлении отдельного индивида нарушает права других людей и четко сформулированные законы. Такая отмена превратилась в «культуру отмены» вследствие параллельного развития институтов правового государства, гражданского общества, массмедиа и средств связи. Без взаимодействия этих компонентов отмена превращается в типичную демонстрацию «права сильного» и не отличается от известной с древнейших времен отмены. Таким образом, культура отмены – это появившийся в условиях постиндустриального массмедийного цифрового общества и основанный на институтах гражданского общества и правового государства механизм исключения из социального обмена или какого-либо его сегмента.

Экономика же традиционных и переходных к модерну обществ отличалась и отличается зависимостью от многих внеэкономических факторов, с чем, видимо, взаимосвязан феномен восточного (иррационального) национализма. Наличие внеэкономических факторов обычно обусловлено присутствием одного сильного актора, который играет решающую роль в перераспределении ресурсов. Сюрреалистичным выражением данного актора стал образ народа или нации в этническом смысле этого слова.

Отношения человека и «воображаемого сообщества» в условиях этнического национализма иррациональны, так как сменить свою национальность, просто поменяв паспорт (как при гражданском национализме), здесь невозможно [9]. Образ этноса антииндивидуален и противоречит идее частной собственности (все принадлежит народу, как в традиционном обществе, якобы богу). В свою очередь, этнический национализм, видимо отражает структурное устройство социума как вертикали соподчиненных корпораций, которая затрудняет развитие гражданского общества, а средства связи и массмедиа использует в идеологических целях. При таком положении дел отмена означает выведение индивида, социальной группы или идеологемы из «меновых операций» внутри корпоративной вертикали (см., например, отмену коммунистической идеологии во время распада СССР). Такой вид отмены принципиально отличается от культуры отмены и схож с последней только инструментальным использованием массмедиа для усиления эмоционального эффекта отмены.

В целях конкретизации терминологического аппарата в отношении «не западных» обществ логичнее говорить о корпоративной отмене, для которой характерна решающая роль не всех заинтересованных в отмене сторон, а лишь одной с монопольными полномочиями на перераспределение ресурсов общества обычно от имени некоего сакрального существа или «воображаемого сообщества» (сама отмена часто обосновывается интересами последнего, но даже в случае изменений конструкторов прошлого она тесно связана именно с современными социально-политическими отношениями) [10].

«Культура отмены» и «корпоративная отмена»: специфика проявлений в современных медиа

Для более четкого понимания отличий культуры отмены от корпоративной отмены интересно рассмотреть механизмы последней в отношении таких медийных и нередко идеологических продуктов, как художественные фильмы.

Летом 2023 г. в кинотеатрах Татарстана вышел в прокат, как его позиционировали создатели, «этнотриллер» «Микулай». Проект молодого татарского режиссера был посвящен жизни заброшенной (всего с одним жителем) кряшенской деревни и вызвал неоднозначные отклики у ряда представителей кряшенской общественности, потребовавших изъять прокатное удостоверение фильма, т.е. фактически его отменить. Образ заброшенной деревни, на мой взгляд, символизировал исключенность из социального обмена, что, в первую очередь, и оскорбило людей, ассоциированных с жителями этого населенного пункта.

В данном случае фиксируется типичный первый шаг механизма культуры отмены: отдельные активисты воспринимают фильм как неприемлемый и через массмедиа пытаются начать кампанию по его отмене. Однако режиссер и иные причастные к фильму лица лишь оказались рады «шумихе», полагая, что она вызовет больший интерес и всерьез на судьбе произведения не отразится. Официальной, юридически оформленной отмены фильма не произошло, но его показ постепенно прекратился, а прежде многочисленные упоминания о нем в региональных СМИ сошли на нет. Медиапродукт был выведен из социального обмена. Кажется, чья-то «сильная воля» смогла отменить «Микулая», но это явно не было следствием активности «общественников». Факт отмены фиксируется, но механизм его принципиально иной, нежели в рамках культуры отмены [11].

Интерес к фильму на региональном уровне во многом связан с не совсем определенным этническим статусом кряшен. Некоторые из них считают себя отдельным православным тюркоязычным народом, другие – крещеными татарами. Последняя идентичность в Татарстане является официальной, и кряшен включают в состав «единой татарской нации» [12], что вызывает протест у сторонников самостоятельности данной этнической группы. В свою очередь, тезис о едином этническом образовании служит основой идеологического обоснования государственности Татарстана (регион позиционируется родиной татар всей планеты и центром «татарского мира»). Конструкт единства этноса отражает сплоченность региональной политической элиты, что, в свою очередь, отражается на особенностях государственно-монополистической структуры экономики.

В условиях тесной связи этничности, государственности и экономики раскол представлений о единой нации даже на символическом уровне потенциально угрожает сложившемуся социальному обмену. Поэтому фиксируется отмена (в том числе посредством инструментального использования прошлого; подробнее об этом феномене см.: [13]) самостоятельной кряшенской идентичности, когда, например, академические структуры региона через исторические пассажи причисляют кряшен к татарам, указывая на «ошибочность» их самоидентификации «с научной точки зрения» [14]. Такую отмену, как было сказано выше, предложено назвать корпоративной. Составляющими последней являются фильм «Микулай» и одноименная лежащая в основе его сценария пьеса [15].

В обоих произведениях кряшены явно отождествляются с оказавшимся вне социальных связей единственным жителем отрезанной от остального мира деревни. Такое одиночество, исходя из всего дискурса татарского национализма, можно связать с последствиями христианизации части татар и превращения их в кряшен после присоединения Казанского ханства к Российскому государству в 1552 г. и их нынешним стремлением стать «отдельным народом». Вне «своей религии» и «вне своего народа» люди оказываются в сложном положении, что, видимо, хотел донести до зрителя сюжет «Микулая». Положительно оценившие пьесу филологи указывали на осмысление судьбы нации как на ведущую тему произведения [16. С. 694]. В другом фильме, сценаристом которого является автор пьесы «Микулай», согласно сюжету, в татарской семье появляется больной раком кряшен (зять), и глава семьи, врач по специальности, серьезно рискуя, проводит ему «подпольную» операцию. В соответствующей риторике чужеродные организму раковые клетки служат символом исключенности из социального обмена, символически упорядочивает который образ единого народа [11].

Главный герой фильма и пьесы «Микулай» (по-русски – Николай) наделен противоречивыми физиологическими и психологическими чертами: родился 15-месячным, страдал в детстве энурезом, тогда же подвергся растлению со стороны деревенской учительницы, женился на кровной сестре, в результате чего дети умерли в младенчестве. К концу жизни Микулай страдает психическим расстройством: оставшись один деревне, мастерит куклы родственников и соседей, общаясь с ними как с живыми людьми (он их такими и считает). «Отмененный» Микулай пребывает в иллюзорном мире, находится вне всех реальных социальных связей, якобы возможных только в пределах «своего этноса».

Отдаление от современного мира, вероятно, показывает тот факт, что Микулай каждую ночь разжигает костер для пролетающих над ним самолетов. Сюжет с самолетами имеет определенное сходство с известным антропологам культом карго. Встречающиеся в фильме лица кукол, которых мастерит главный герой, напоминают ритуальные маски племен Океании и Амазонии. В этом смысле показательны воспоминания Микулая об одном родственнике, который, приехав в город, не смог воспользоваться унитазом [11].

Придание образу Микулая «туземных» и инфантильных черт создает предпосылки для «отмены отмены», т.е. включения кряшен обратно в состав «единой нации» с последующим (нео)колониальным культуртрегерским воз-

действием. И в пьесе, и в фильме устами Микулая татары позиционируются как «сильный и мудрый народ», всегда «защищавший» кряшен, ранее, кстати, веровавших в «пророка Иисуса», что соответствует представлению о кряшенях как бывших мусульманах [15].

Ситуация борьбы за целостность объединяющего образа «единой нации» чем-то напоминает борьбу с фракционностью в большевистской партии 1920–1930-х гг. Данная аналогия не случайна, так как первоначальный идеолого-символический раскол правящего политического сообщества грозил потерей власти и дальнейшим разобщением всего общества. Отмена Н.И. Бухарина, Л.Д. Троцкого и других государственных и общественных деятелей была корпоративной отменой, а названные лица часто обвинялись в неблаговидном поведении, например инцесте и педофилии.

В 2023 г. в Казани была защищена диссертация, посвященная общественно-политическому движению кряшен и «отменявшая» все их самостоятельные организации, кроме тех, которые были созданы в тесном сотрудничестве с региональными властями и не ставили вопрос о «самостоятельном этносе» [17] (фактически это был краткий курс истории Общественной организации кряшен Республики Татарстан во главе с крупным региональным хозяйственным и политическим деятелем).

Возвращаясь к инфантилизации образа Микулая и наделению его в том числе отрицательными физиологическими чертами отмены, характерными еще для советской литературы (см., например, «кулаки» [18] и «бывшие» [19]), можно предположить, что они связаны и с семейными воспоминаниями автора пьесы. Его отец, известный татарский писатель, был сыном репрессированного муллы и после гибели отца оказался в православном кряшенском селе, где наверняка почувствовал разницу религиозных сред [11]. В дальнейшем он сам подвергся сталинским репрессиям, на время потерял прежнее социальное положение, т.е. был отменен. Психологическая травма от репрессий может проявляться даже через поколения, и участие в корпоративной отмене может обуславливаться опасением такой же отмены в отношении себя самого.

В роли Микулая выступил известный актер федерального уровня Виктор Сухоруков; съемочная группа работала в одном из сельских районов недалеко от Казани при явном благопритствии со стороны властей (жители ближних деревень организовано привлекались к съемкам в качестве массовки). Премьера фильма в июне 2023 г. активно рекламировалась в татарстанских СМИ, голоса протеста (в стиле культуры отмены) кряшенских активистов остались незамеченными. Режиссер предполагал, что премьеру посетят высшие чиновники Татарстана [11].

Ситуация кардинальным образом изменилась, когда недовольным содержанием фильма оказался генеральный директор крупной татарстанской корпорации и руководитель упоминаемой ранее Общественной организации кряшен РТ, депутат Госсовета Республики. Активисты возглавляемой им организации активно критиковали «Микулая» [20] (хотя ранее, судя по данным социальных сетей, положительно отзывались о поставленных по пьесе спектаклях), а подконтрольные финансовые структуры отказали режиссеру в покрытии расходов на создание фильма (в том числе выплате гонораров актерам, о чем ранее имела договоренность) [21]. Постепенно упоминания о

«этнотриллере» в местных СМИ прекратились, что может свидетельствовать о корпоративной отмене, механизм которой, по всей видимости, запустил интегрированный во власть крупный региональный чиновник, знакомый с неписаными правилами подобной отмены.

«Культура отмены»: механизмы остракизма и солидаризации

Сюжет, иллюстрирующий специфику взаимодействия татар и кряшен в условиях современного Татарстана, демонстрирует две тенденции, важные в контексте исследования культуры отмены.

Во-первых, существенным моментом для теоретического осмысления данного феномена является различие «культуры отмены» как стратегии остракизма в публичном пространстве, фактором реализации которой является общественный консенсус о необходимости устранения того или иного субъекта из системы социального обмена, и «корпоративной отмены», под которой понимается способ поведения, когда конкретный политический актор использует инструменты публичной дискредитации своего оппонента (или сообщества) для обеспечения собственной стратегии доминирования. Понятие «корпоративная отмена» акцентирует внимание на инструментализации отмены в качестве способа осуществления политического воздействия на тех или иных публичных субъектов.

По сути, речь идет о введении в поле социально-философского анализа практик канселлинга двух возможных моделей его функционирования: конкурентной и доминантной. *Конкурентная модель канселлинга* («культуры отмены») предполагает такой способ поведения в публичном пространстве, при котором отменяющее сообщество стремится к моральной дискредитации своего оппонента с целью его исключения из системы символического обмена (распределение благ, ресурсов, публичного одобрения). Как правило, эта модель реализуется в условиях открытого публичного пространства, что приводит к невозможности полного устранения отменяемого сообщества, которое отражает определенный сегмент социального пространства. Доминантная модель канселлинга («культуры отмены») представляет собой способ поведения, при котором отменяющее сообщество использует инструменты отмены для устранения альтернативной идентичности с последующим включением представителей отмененных в состав сообщества отменяющего.

Показательно, что инструментарием канселлинга в случае обеих моделей выступает публичное использование медиа, а дискурсивной стратегией – апелляция к нарушению сообществом не только юридических, но и моральных норм, что зачастую выражается в использовании квази-этических категорий «историческая вина» и «историческая ответственность».

Во-вторых, важным является понимание того, что в условиях конкуренции идентичностей может идти речь о множественности «культур отмены», которые могут преследовать различные интересы. Демонстрация специфики функционирования кряшенской идентичности в условиях современного Татарстана позволяет увидеть различные поля канселлинга, подчиняющиеся законам формирования коллективной идентичности и обеспечения солидарности. С одной стороны, на более частном уровне, можно видеть использование элементов «культуры отмены» внутри самого кряшенского сообщества, что обозначает символическую конкуренцию за право говорить от имени со-

общества в публичном пространстве. Нарочитый отказ от альтернативных медиарепрезентаций выражает не столько сознательную отмену «неправильных» проявлений кряшенской культуры и кряшенской идентичности, сколько стремление к блокированию каналов публичной репрезентации сообщества. Публичные механизмы социального остракизма, связанные с предписыванием «исторической вины», используются лишь как апробированный способ дискредитации заявленной позиции. «Историческая вина» в данном случае выступает важным элементом дискурсивной практики, позволяющим не просто подвергать критике неудобную позицию, но и предписать ей искажение исторического пути формирования и сохранения этноса, что дает возможность перевести формат критики в область моральных оценок.

На более масштабном уровне речь может идти о стремлении татарстанской элиты подвергнуть канселлингу кряшенскую идентичность с целью солидаризации единой татарской нации и включения кряшен в уже имеющуюся матрицу татарской идентичности.

И в том и в другом случае реализация доминантной модели канселлинга сопровождается своеобразным стремлением отмены идентичности определенного сообщества с целью его включения в отменяющее сообщество. Культура отмены может выступать не только инструментом фрагментации и раскалывания социального пространства, но и способом искусственной консолидации сообщества за счет стимулирования исторического забвения локального прошлого.

Таким образом, в кейсе взаимодействия татарского и кряшенского сообществ нашли отражение механизмы двух видов отмены, своеобразное переплетение которых, вероятно, обусловлено модернизационными взаимовлияниями в разных сферах общества. Ведущей являлась корпоративная отмена, так как сама возможность появления медиапродуктов, посвященных тематике кряшенско-татарского взаимодействия, определялась стремлением донести до массового зрителя представления об опасностях, связанных с угрозой историческому единству этнонации, которая, в свою очередь, сама олицетворяет вертикаль корпоративной структуры общества. Постепенное затухание публичного эффекта от подобных медиапродуктов демонстрирует реализацию доминантной модели «культуры отмены», при которой механизмы общественного недовольства выступают лишь инструментом, обеспечивающим достижение политических целей.

Главный теоретический вывод из обобщения проанализированного показательного эмпирического кейса заключается в подтверждении выдвинутой гипотезы о взаимосвязи отмены и социального обмена, когда последний определяет качественные характеристики культуры отмены или корпоративной отмены. Учитывая единство различных сфер жизни общества, корректно говорить о единстве отмены в социальных отношениях и их идеальных типах, например мифологии и идеологии. Таким образом, стирается грань между прошлым и настоящим, что предоставляет «методологический ключ» к исследованиям отмены в дискурсах исторической памяти (в данном случае мало различаются механизмы отмены исторического персонажа и, например, современного голливудского актера).

Изложенный материал свидетельствует о необходимости дальнейшей работы над методологическим сопровождением понятия «культура отмены»,

учете всех особенностей его использования в академическом дискурсе и вне его, что позволит лучше понять многие социальные процессы, в том числе те, которые в массовом сознании являются продолжением повествований о прошлом.

Список источников

1. *Сыров В.Н.* «Культура отмены»: к вопросу о критериях определения и правомерности применения // *Антиномии*. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 7–22. doi:10.17506/26867206_2024_24_3_7
2. *Сыров В.Н.* К вопросу о философских основаниях «культуры отмены» и ее значении для осмысления и отношения к прошлому // *Вестник Томского государственного университета*. 2023. № 492. С. 85–90. doi: 10.17223/15617793/492/10
3. *Хоманс Дж.* Возвращение к человеку // *Американская социологическая мысль: тексты*. М. : Изд-во МГУ, 1994. С. 46–61.
4. *Мосс М.* Общества. Обмен. Личность: труды по социальной антропологии. М. : Книжный дом – Университет (КДУ), 2011. 413 с.
5. *Салинз М.* Экономика каменного века. М. : Объединенное гуманитар. изд-во, 1999. 293 с.
6. *Суриков И.Е.* Институт остракизма в Античной Греции: к общей оценке феномена // *История и современность*. 2005. № 2. С. 113–130.
7. *Полањи К.* Великая трансформация. М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. 406 с.
8. *Линченко А.А.* Формы исторического забвения и фигуры умолчания в коммеморативных практиках движения Black Lives Matter: сравнительный анализ медиадискурсов в англоязычных странах // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2024. Т. 6, № 1. С. 225–243. doi: 10.46539/gmd.v6i1.447
9. *Тишков В.А., Шнирельман В.А.* Как и зачем надо изучать национализм // *Национализм в мировой истории*. М. : Наука, 2007. С. 4–35.
10. *Овчинников А.В.* «Корпоративная отмена»: приключения «мифа 922 года» между академическим и идеологическим дискурсами // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2024. Т. 6, № 1. С. 202–224. doi: 10.46539/gmd.v6i1.448
11. Становление и генезис крымско-татарской идентичности / под ред. Р.Р. Исхакова. Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2022. 240 с.
12. *Головашина О.В.* Репрезентация идентичности: почему не каждую традицию можно изобрести? // *Вестник Томского государственного университета*. 2023. № 495. С. 62–70. doi: 10.17223/15617793/495/6
13. История и культура татар-крышен (XVI–XX вв.) / отв. ред. Р.Р. Исхаков ; Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ. Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 959 с.
14. *Овчинников А.В.* «Микулай» открывает глаза: могут ли отменить фильм? URL: <https://m.realnoevremya.ru/articles/293458-mikulaya-smogut-otmenit-mikulay-otkrivaet-glaza> (дата обращения: 1.11.2024).
15. *Гилязов М.А.* Микулай: монопеса в двух действиях (действие I). URL: <https://tuganaylar.ru/news/literaturnye-proizvedeniya/mikulay-monopesa-v-dvukh-deystviyakh-deystvie-i> (дата обращения: 1.11.2024).
16. *Шарипова А.С.* Художественное осмысление темы судьбы человека и нации в монодраме Мансура Гилязова «Микулай» // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2022. Т. 15, вып. 3. С. 693–697.
17. *Шарафиев Э.И.* Общественное и культурное развитие крымско-татарской Республики Татарстан в 1989–2010 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2022. 288 с.
18. *Филитова Т.* «Крестьяне бывают разные...». Образ кулака в раннесоветской сатире // *Официальный сайт Российского исторического общества*. URL: <https://historyrussia.org/sobytiya/krestyane-byvayut-raznye-obraz-kulaka-v-rannesovetskoj-satire.html> (дата обращения: 1.11.2024).
19. *Мирошниченко М.И., Журавлева В.А.* «Бывшие люди»: структура и особенности нормативно-правового статуса // *Гуманитарно-педагогические исследования*. 2021. Т. 5, № 3. С. 27–36.
20. «Мы заранее говорили, что будет скандал»: почему крымско-татарская Республика Татарстан хочет запретить «Микулая»? // *БИЗНЕС Online: деловая электронная газета*. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/609020> (дата обращения: 1.11.2024).
21. *Рахимбай И.* «Я понимал, что мы либо все передвигаем, либо газуем как рок-н-ролльщики» // *Информационное агентство «Реальное Время»*. URL: <https://realnoevremya.ru>

ru.turbopages.org/realnoevremya.ru/s/articles/237511-na-etno-triller-s-viktorom-suhorukovym-mikulay-sobirayut-dengi (дата обращения: 1.11.2024).

References

1. Syrov, V.N. (2024) “Kul'tura otmeny”: k voprosu o kriteriyah opredeleniya i pravomernosti primeneniya [“Cancel culture”: On the criteria for determining and legality of application]. *Antinomii*. 24(3). pp. 7–22. DOI: 10.17506/26867206_2024_24_3_7.
2. Syrov, V.N. (2023) On the philosophical foundations of the “cancel culture” and its significance for understanding and attitude to the past. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 492. pp. 85–90. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/492/10
3. Homans, G. (1994) *Vozvrashchenie k cheloveku* [Return to Man]. In: Dobrenkov, V.I. (ed.) *Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl'* [American Sociological Thought]. Moscow: Moscow State University. pp. 46–61.
4. Moss, M. (2011) *Obshchestva. Obmen. Lichnost': trudy po sotsial'noy antropologii* [Societies. Exchange. Personality: Works on Social Anthropology]. Translated from English. Moscow: Knizhnyy dom – Universitet (KDU).
5. Sahlinz, M. (1999) *Ekonomika kamennogo veka* [The Economy of the Stone Age]. Translated from English. Moscow: United Humanitarian Publishing House.
6. Surikov, I.E. (2005) Institut ostrakizma v Antichnoy Gretsii: k obshchey otsenke fenomena [The Institute of Ostracism in Ancient Greece: Towards a General Assessment of the Phenomenon]. *Istoriya i sovremennost'*. 2. pp. 113–130.
7. Polanyi, K. (2006) *Velikaya transformatsiya* [A Great Transformation]. Translated from English. Moscow: HSE.
8. Linchenko, A.A. (2024) Formy istoricheskogo zabveniya i figury umolchaniya v kommekoriativnykh praktikakh dvizheniya Black Lives Matter: sravnitel'nyy analiz mediadiskursov v angloyazychnykh stranakh [Forms of historical oblivion and figures of silence in the Commemorative Practices of the Black Lives Matter movement: A comparative analysis of media discourse in English-speaking countries]. *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 6(1). pp. 225–243. DOI: 10.46539/gmd.v6i1.447
9. Tishkov, V.A. & Shnirelman, V.A. (2007) Kak i zachem nado izuchat' natsionalizm [How and why it is necessary to study nationalism]. In: Tishkov, V.A. (ed.) *Natsionalizm v mirovoy istorii* [Nationalism in World History]. Moscow: Nauka. pp. 4–35.
10. Ovchinnikov, A.V. (2024) “Korporativnaya otmena”: priklyucheniya “mifa 922 goda” mezhdru akademicheskim i ideologicheskim diskursami [“Corporate Cancellation”: The adventures of the “Myth of 922” between academic and ideological discourses]. *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 6(1). pp. 202–224. DOI: 10.46539/gmd.v6i1.448
11. Iskhakov, R.R. (ed.) (2022) *Stanovlenie i genezis kryashenskoy identichnosti* [The Formation and Genesis of the Kryashen Identity]. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan.
12. Golovashina, O.V. (2023) Representation of identity: Why cannot every tradition be invented? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University*. 495. pp. 62–70. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/495/6.
13. Iskhakov, R.R. (ed.) (2017) *Istoriya i kul'tura tatar-kryashen (XVI–XX vv.)* [History and culture of the Kryashen Tatars in the 16th – 20th centuries]. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan.
14. Ovchinnikov, A.V. (2023) “Mikulay” otkryvaet glaza: mogut li otmenit' fil'm? [“Mikulai” opens his eyes: Can the film be canceled?]. [Online] Available from: <https://m.realnoevremya.ru/articles/293458-mikulaya-smogut-otmenit-mikulay-otkryvaet-glaza> (Accessed: 1st November 2024).
15. Gilyazov, M. (2020) *Mikulay: monop'esa v dvukh deystviyakh (deystvie I)* [Mikulai: A solo performance in two acts (Act I)]. [Online] Available from: <https://tuganaylar.ru/news/literaturnye-proizvedeniya/mikulay-monopesa-v-dvukh-deystviyakh-deystvie-i> (Accessed: 1st November 2024).
16. Sharipova, A.S. (2022) Khudozhestvennoe osmyslenie temy sud'by cheloveka i natsii v monodrame Mansura Gilyazova “Mikulay” [Artistic interpretation of the theme of the fate of man and nation in Mansur Gilyazov's monodrama “Mikulai”]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 15(3). pp. 693–697.
17. Sharafiev, E.I. (2022) *Obshchestvennoe i kul'turnoe razvitie kryashen Respubliki Tatarstan v 1989–2010 gg.* [Social and cultural development of the Kryashens of the Republic of Tatarstan in 1989–2010]. History Cand. Diss. Kazan.

19. Filippova, T. (2021) “*Krest'yane byvayut raznye...*”. *Obraz kulaka v rannesovetskoj satire* [“Peasants are different... ” The image of the Fist in Early Soviet satire]. [Online] Available from: <https://historyrussia.org/sobytiya/krestyane-byvayut-raznye-obraz-kulaka-v-rannesovetskoj-satire.html> (Accessed: 1st November 2024).

19. Miroschnichenko, M. & Zhuravleva, V. (2021) “Byvshie lyudi”: struktura i osobennosti normativno pravovogo statusa [“Former people”: The structure and features of the regulatory status]. *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya*. 5(3). pp. 27–36.

20. *Biznes Online*. (2023) “My zaranee govorili, chto budet skandal”: pochemu kryasheny Tatarstana khotyat zapretit’ “Mikulaya”? [“We said in advance that there would be a scandal”: Why do the kryashens of Tatarstan want to ban Mikulai?]. [Online] Available from: <https://www.business-gazeta.ru/article/609020> (Accessed: 1st November 2024).

21. Rahimbaj I. (2023) *Ya ponimal, chto my libo vse peredvigaem, libo gazuem kak rok-n-roll'shchiki* [I understood that we were either moving everything or revving up like rock-'n'-rollers]. [Online] Available from: <https://realnoevremya-ru.turbopages.org/realnoevremya.ru/s/articles/237511-na-etno-triller-s-viktorom-suhorukovym-mikulay-sobirayut-dengi> (Accessed: 1st November 2024).

Сведения об авторах:

Овчинников А.В. – кандидат исторических наук, научный сотрудник Философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия); доцент кафедры Менеджмент Казанского государственного энергетического университета (Казань, Россия). E-mail: ovchinnikov8_831@mail.ru

Аникин Д.А. – кандидат философских наук, научный сотрудник Философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия); доцент кафедры теоретической и социальной философии Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия). E-mail: dandee@list.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Ovchinnikov A.V. – Cand. Sci. (History), research fellow, Faculty of Philosophy, National research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); associate professor, Department of Management, Kazan State Power Engineering University (Kazan, Russian Federation). E-mail: ovchinnikov8_831@mail.ru

Anikin D.A. – Cand. Sci. (Philosophy), research fellow, Faculty of Philosophy, National research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); associate professor, Department of Theoretical and Social Philosophy, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation). E-mail: dandee@list.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 29.11.2024;
одобрена после рецензирования 20.01.2025; принята к публикации 24.02.2025
The article was submitted 29.11.2024;
approved after reviewing 20.01.2025; accepted for publication 24.02.2025*